

Поль
Лаббе

ОТ ИЛЕКА К КАСПИЙСКОМУ МОРЮ

Из книги: Лаббе П. По дорогам России от Волги до Урала: пер. с фр. А.Ш.Губайдуллиной и Л.Ф.Сахибгареевой под ред. И.В.Кучумова / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. – М.: Издательство «Паулсен», 2017. – 224 с.

Земледелие является основным занятием жителей на территории от городка Илек [1], административного уездного центра, расположенного вблизи реки Урал у границы казачьих земель Оренбургской губернии, до Уральска. В этих местах почва очень плодородна, и поэтому все здешние селения (а их немало) относятся к зажиточным. Большинство каменных и деревянных домов отличается исключительной чистотой, что является редкостью для России.

Почтовый тракт проходит недалеко от реки почти по прямой линии с севера на юг. Он неплохой, но очень пыльный, часто пересекает пески, в которых колеса повозки вязнут, и лошадям приходится переходить на шаг. Вокруг селений множество возделанных полей, на которых растут пшеница, овес, рожь, просо, подсолнечник, дыни и арбузы. Деревьев в этих местах мало, но благодаря довольно изобретательному, хотя и примитивному орошению высокие ивы, березы или тополя иногда скрашивают монотонный пейзаж и защищают избы от северозападных ветров.

Почтовые станции здесь такие же, как в Казанской и Уфимской губерниях, но чище. Наличие при мне проводника из казаков вызывало у моих собеседников уважение, хотя иногда они спрашивали, кем я являюсь на своей родине.

Как-то раз вечером я подслушал разговор моего спутника с его приятелем:

– Вообще-то, – говорил мой проводник, – этот француз – мужик хороший, он угощает меня табаком и время от времени покупает мне стакан водки. Однако он не настоящий генерал, а, видимо, штатский, потому что не носит мундиру, не напивается и не ругается матом!

Однажды вечером мы прибыли на постой, где нас встречали хозяин с женой, причем женщина, белокурая молодая крестьянка крупного телосложения, почему-то была вся в слезах. Я спросил, что с ней, но муж сделал ей знак, и она молча вышла. На следующий день, когда мы уезжали, от ее вчерашнего горя не осталось и следа. Я ничего не понимал.

Ситуацию прояснил мой казак:

– Так это ее муж побил, вот она и ревела!

Комментарий самого супруга на этот счет был возмутительным:

– Моя жена принадлежит мне, и наш поп, который колотит свою благоверную еще сильнее, утверждает, что если бабу бить, то она будет здоровее. Впрочем, мы

не обижаемся друг на друга, верно, Машка? – он положил свою тяжелую руку на плечо жены, которая, глядя на него влюбленными глазами, залилась смехом.

Мне сразу вспомнилась одна знакомая казачка, муж которой устроился в город прислуживать генералу и через некоторое время забрал ее из станицы к себе, но уже вскоре она, рыдая, жаловалась на супруга и просилась обратно:

– Я больше ему не нужна! – причитала она сквозь слезы. – Мы уже месяц как живем вместе, а он еще ни разу меня не побил!

В Уральской области сложилась уникальная для России ситуация: водные ресурсы и земля принадлежат казачьему войску в целом, а не отдельным лицам. Однако сейчас этот коммунизм уже несколько нарушен: офицеры, имеющие возможность нанимать батраков, при разделе урожая получают значительно больше, чем рядовые казаки.

Во время пахоты, сроки которой определяет атаман, только офицеры могут пользоваться двумя плугами. Пахать можно почти везде, за исключением особо оговоренных участков, вблизи родников, рудников и прудов, а также полей с бахчевыми культурами. Малолеткам 17–19 лет разрешено распахивать до 10 хозяйственных десятин [2] земли, то есть немногим более 10 га, взрослым казакам всех разрядов – 20, обер-офицерам – 50, штаб-офицерам – 75 хозяйственных десятин. Одна семья может распахивать за плату не более 210 хозяйственных десятин. Вдовам и сиротам военнослужащего разрешается пахать земли столько, сколько полагалось их мужьям и отцам.

Уже несколько лет в этой области активно внедряется интенсивная и основанная на научных достижениях агротехника, вследствие чего улучшилась урожайность пшеницы, овса, ржи и проса. Ведется работа по предотвращению голода. Зерно хранится на складах войсковой администрации, а не в личных подворьях, и в трудное время распределяется между казаками. Однако обеспечить продовольствием всех не всегда удается, и после суровой зимы иногда приходится голодать.

В целях развития сельского хозяйства в Уральске недавно открыли низшую сельскохозяйственную школу с фермой, на которой разводят высокопродуктивных животных для улучшения породы скота. Все казаки занимаются скотоводством, но особенно на юге области. Они несколько презрительно относятся к профессии пастуха, считая себя прежде всего воинами, поэтому обычно доверяют скот полудиким калмыкам из соседней Астраханской губернии или киргизцам из степи, простирающейся на левом берегу Урала. Калмыки и киргизцы, как и все кочевники, боятся казаков, поскольку последние обращаются с ними, как с побежденными, и ведут себя на их землях как завоеватели.

Один киргизец однажды откровенно признался мне:

– О, нет, я не трус, я не боюсь казаков. Но если вижу одиноко едущего по дороге казака, то сразу убегаю!

Несмотря на все, казачьи стада не защищены от невзгод погоды. В области часто случаются морозные зимы и засушливое лето, и, стало быть, снег и дождь выпадают редко. Самым тяжелым периодом для скота является время с середины марта по середину апреля, когда снег начинает стремительно таять и вдруг наступают заморозки. Копыта лошадей не могут разбить гололед, и животные умирают от голода. Овцы, которых разводят казаки, принадлежат к так называемой «курдючной» породе, у которой в районе хвоста откладывается 8–12 кг жира превосходного качества. Благодаря его запасу животные переносят холодную

зиму, но к весне верблюжьи горбы становятся дряблыми, а толстые и твердые бараньи курдюки обвисают.

Правила, аналогичные тем, что предписаны для пахоты, действуют и для косьбы: все казаки имеют право заготовливать сено и даже нанимать батрака. Войсковая администрация построила фуражные склады в четырех крупных населенных пунктах – Уральске, Темире [3], Гурьеве [4] и Калмыкове [5]. Это было мудрое решение, поскольку казаки, как и все русские, живут только сегодняшним днем, не думая о предстоящей зиме. Кроме того, если казак, как, впрочем, и всякий русский, чуть разживется деньгами, то сразу стремится потратить их со своими друзьями. В России деньгам не придают того значения, как у нас, и даже в трудные времена их всегда стараются спустить. Русская душа шире французской, но во Франции люди намного экономнее, бережливость же не входит в перечень русских достоинств.

Un guide cosaque et sa famille (Казак-проводник и его семья). Из фотоальбома П. Лаббе

Казаки весьма привержены садоводству, они любят цветы и ставят на подоконники горшки с розами и геранью. В своих больших огородах они выращивают лен, который, как известно, составляет одно из главных богатств России. Его ежегодно в больших объемах закупают прядильные фабрики Лилля, Рубе, Армантьера и Туркуэна. Еще казаки высаживают столь необходимый для русских крестьян картофель, который хорошо родится почти по всей империи, даже на Сахалине, и табак, разводимый в малом количестве на хорошо удобренных грядках. Курительный табак поливают немного, а листья оставляют надолго бродить в ямах, накрытых ковром или шерстяной тканью. Небольшие плантации нюхательного табака, наоборот, поливают обильно, стебли срезают вместе с листьями, сушат в тени, а затем пестиком растирают в порошок. Именно этот вид табака больше всего обожают кочевники, но они его не нюхают, а жуют.

Овощеводство, представленное насаждениями картофеля, лука, моркови, огурцов, подсолнечника, дыни и арбузов, характерно для всех казаков, но особенно уральских. К моменту отмены крепостного права во всей области было только 30 садов, а сегодня их уже приблизительно 600, и занимают они 1800 га.

К югу от Уральска занятия жителей совершенно иные: большая загородь на реке Урал, которую я уже упоминал, но подробнее опишу далее, отделяет земледельческий район от рыболовецкого. Здешние казаки в основном занимаются только скотоводством и ловлей рыбы. Доходы, получаемые казаками от охоты, намного меньше тех, что приносит им рыболовство. Рыбу ловят в области все, а некоторые даже сумели на этом разбогатеть. Охотой тоже занимаются повсеместно, но это не более чем развлечение, состояние на ней сделали лишь отдельные добытчики пушного зверя. Дичи здесь невероятно много, можно охотиться на лебедей, гусей, диких уток, куропаток, рябчиков, перепелов и тетеревов, на таких крупных птиц, как орлы, коршуны, грифы и ястребы, а из млекопитающих – на волков, лис, барсуков, хорьков, куниц и зайцев.

От Уральска до Гурьева – порта, расположенного в устье реки Урал, почтовый тракт намного хуже, чем на севере, он проложен через сухую и унылую степь, где на телеграфных проводах дремлют орлы и грифы. Здесь уже нет красивых деревянных и каменных жилищ, им на смену приходят почти исключительно глиняные, но все так же чистенькие дома. За исключением Чагана [6] в Урал между Уральском и Каспийским морем впадают лишь две незначительные речушки, еще несколько мелких ручейков теряются в песках, пересыхают, но если здесь осуществить оросительные работы, то жизнь в эту пустыню можно вернуть.

Самые крупные селения, вроде Калмыкова, где живет уездный начальник, представляют собой маленькие хутора. Я до сих пор со смехом вспоминаю мой визит к милейшему главе уезда [7], который отвечал на мои вопросы невпопад, все время повторяя, что ничего не понял. Это меня очень расстроило, но тут этот чиновник сказал своей жене:

– Французы всегда воображают, что все должны понимать их язык. И этот оказался таким же!

Взбешенный, я заорал на него по-русски:

– Вы же просто не хотите понимать меня!

Уездный начальник был крайне удивлен:

– Смотрите-ка, Вы, оказывается, говорите по-русски, но почему тогда столь долго беседовали со мной на французском?!

Только теперь до меня дошло, что чиновник был глуховат, и ему нужно было кричать в ухо. Я ведь сначала заговорил с ним по-русски, не повышая тона, он же думал, что я говорю на французском, а когда я вынужден был закричать, то сразу понял меня. С его помощью я посетил тюрьму, отчасти похожую на свинарник, в которой сидело несколько киргизцев, малоинтересную мечеть, совершил прогулку по берегу реки. Урал в Калмыкове не шире, чем в Уральске, его левый берег низкий, а правый – крутой и состоит из постепенно размываемых рекой глинистых обрывов.

После Калмыкова мне порекомендовали сделать остановку в станице Кулагинской [8] у богача по имени Сага. Калмыки – это монгольский народ, живущий сегодня в Астраханской губернии и сохранивший буддийскую религию в том виде, в каком она существует в Тибете, Монголии и Забайкалье под именем «желтой веры» [9]. В XIV веке являвшийся воплощением Будды монах по имени Цонкапа, о появлении которого сообщалось в священных книгах, реформировал эту религию, вернув ей первоначальную чистоту и внедрив в нее иерархию и дисциплину. Именно он учредил большие монастыри, где сегодня дети изучают

тибетский и монгольский языки у наиболее высокочтимых монахов и проникают в тайны религии. Около озера Байкал в русской Азии я посещал восхитительные монастыри, наполненные драгоценностями и статуями богов из золота и серебра. Калмыцкие монастыри гораздо беднее, и калмыцкие ламы не облачаются, как их азиатские собратья, в желтые одеяния, и не покрывают руки и плечи длинными пурпурными шарфами.

Несколько калмыков, обитающих, как Сага, в Уральской области, стали казаками, волей или неволей приняли православие, а их собратья, оставшиеся в Астраханской губернии, освобождены от военной службы, занимаются скотоводством и живут в страшной нищете. Обычаи калмыков такие же, как у всех примитивных азиатских народов: родители обручают своих детей иногда еще в колыбели, браки заключаются, как только мальчик достигнет половой зрелости, а девушка брачного возраста, зять платит тестю выкуп лошадьми, баранами и предметами домашнего обихода или просто отработывает в его хозяйстве. Буддизм у них существует не в чистом виде, а с примесью культа духов и некоторых языческих суеверий.

Дом у Саги оказался уютным, похожим на жилища казаков, но сам хозяин в нем не жил: по примеру своих предков он предпочитал юрту, но так как не кочевал, то поставил ее во дворе. Все официальные лица (и я в том числе), проезжающие через Кулагинскую, обязательно посещают его. Для меня забили барана и приготовили превосходное блюдо ковурдак [10] и, по туркестанскому обычаю, плов из риса. Ковурдак делается из кусочков баранины, поджаренных на сковороде. Туркестанский плов включает в себя, кроме риса и баранины, еще и айву, несколько тонко нарезанных морковок, изюм и дикие абрикосы. Это, я вам скажу, восхитительнейшее блюдо.

Весь вечер Сага в основном рассказывал мне о своем сыне, который служил офицером в казачьем войске, и об осенней рыбалке, на которой мне удалось побывать несколькими днями позже. На следующий день он посадил меня в тарантас и поблагодарил за посещение. По дороге я обогнал калмыцкого всадника.

– Добрый день, султан, – сказал он мне. – Сага оказал тебе хороший прием?

Я ответил утвердительно, удивившись лишь титулу, которым наградил меня калмык.

– Сага – добрый человек, хотя и не чтит веру отцов. Это я вчера сообщил ему о твоём приезде, сказав, что к нему скоро прибудет французский султан.

– Но как ты узнал об этом? – моему изумлению не было предела.

И тут я вспомнил, что за два дня до этого видел, как из дома, в котором я остановился в Калмыкове, выходил мой собеседник. Он не предполагал, что я его тогда заметил.

– Я прочитал о твоём приезде по звездам, мне об этом сообщил Будда! – не моргнув газом, ответил калмык.

Я искренне поздравил служителя Будды – а он был как раз им – с его превосходными связями и, давась смехом, спросил у него, не могу ли, будучи совершенным безбожником, тоже поговорить с божеством и узнать свою судьбу по звездам.

Мой тон не понравился калмыку, он пришпорил свою лошадь и пустил ее галопом по дороге, но через несколько минут остановился и, когда я подъехал, сказал:

– Ищи Будду, и ты его найдешь! Человек не может знать, что готовит ему будущее. Возможно, что ты однажды увидишь бога. Прощай! – и поскакал прочь.

Больше я его не встречал, но его слова оказались в чем-то пророческими: через два года я действительно оказался в буддийских монастырях Сибири и даже удостоился разрешения жить в непосредственной близости от высокочтимого воплощения Будды, то есть наедине с божеством.

Между Кулагинской и Гурьевом я останавливался на постой у одного знаменитого героя, который сражался в Туркестане против нескольких сотен туркменцев. Его отряд насчитывал сто тридцать человек, выжил только тридцать один, но пятнадцать здравствуют еще и сегодня.

Город Гурьев, построенный недалеко от берегов Каспийского моря, на левом берегу Урала и недалеко от его устья, является портом казачьего края. Это богатый и процветающий населенный пункт, живущий за счет торговли рыбой. Она хранится живой в больших садках, устроенных по берегам реки, либо заморожена в огромных ледниках, либо, наконец, сушится на солнце в самом порту. Казаки заготавливают сельдь, осетра, карпа и судака, о которых я подробнее расскажу, повествуя о речной ловле. Осетры живут то в море, то в реке, сельдь же – рыба исключительно морская. Казаки вымачивают ее в рассоле, добавляя в него куски льда, а если его нет, то ставят бочку в тень или зарывают в землю. Через двенадцать часов рыбу вынимают из рассола и кладут рядами в бочку, пересыпая каждый ряд толстым слоем соли. Если сельдь крупная, то ее оставляют в таком виде на 10–12 дней, а затем помещают в другую бочку по 250–300 рыб и кладут сверху груз. Бочонки герметично закрывают и кладут на лед. Так, по крайней мере, готовят сельдь в порту Гурьева. Другая рыба, находящаяся в ледниках, извлекается оттуда только во время постов, очень долгих в России, когда большинство русских питается почти исключительно ею.

Полковник, атаман Гурьевского гарнизона [11], организовал мне осмотр этого довольно красивого города. Вид левого берега был очарователен благодаря удивительным деревьям и виноградникам. Мы посетили местные учебные заведения. Русско-киргизское училище, где несколько русских детей учились вместе с туземцами, помещалось в большом, неплохо благоустроенном здании. Меня попросили задать вопросы ученикам, но они, испугавшись, молчали: за время каникул они наверняка забыли то немногое, что знали. Однако самые младшие очень старались. Учитель заставил их прочесть фразу: «Ваня украл часы»

– А теперь, – попросил он, – скажите мне, кто украл часы? Что украл Ваня? Что он сделал?

Вопросы следовали один за другим, и ученики тянули руки, чтобы ответить.

– Я тоже хочу спросить, – сказал я учителю. – Ну-ка, скажите, кто из вас любит конфеты?

Мой вопрос смутил киргизских ребят, мне пришлось его повторить, но когда самый маленький робко поднял руку и я дал ему немного сладостей, руки потянули все.

В казачьей школе детей переспрашивать об этом не пришлось.

– Смотрите-ка, – заметил полковник, – а эти-то совсем не боятся!

Классные комнаты в школе были маленькими. Я задал детям вопросы по изучаемым предметам, но, оказалось, что они сильны только в гимнастике.

– Оставьте себе несколько конфет, не отдавайте все, – предупредил меня полковник. – Сейчас Вы увидите, какие у них крепкие легкие. А ну-ка, дети, – обратился он к ним, – кто из вас громче всех крикнет, тот получит конфеты!

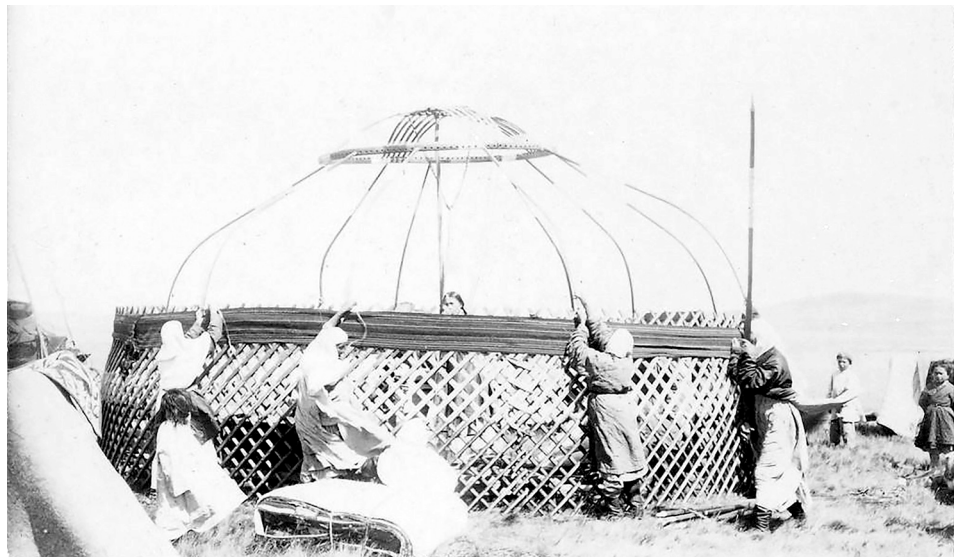
Поднялся ужасный шум, но полковник был рад и все повторял:

– Ай да молодцы, ну, молодцы!

Затем он принялся кричать вместе с ними. Когда все охрипли, я оставил школу вместе с полковником, тепло поздравив его с наличием таких талантов у молодых казачков.

Визит в реальное училище был более полезным для меня: там, по крайней мере, с детьми занимались всерьез.

Затем полковник предложил мне побывать в клубе, где меня ожидали казаки в парадной форме, чтобы продемонстрировать свои полковые танцы. Три офицерских жены надели по этому случаю праздничный наряд казачек, чтобы я их сфотографировал. Одна из них, в длинном национальном сарафане, сшитом из светлой ткани с вышивкой, была совершенно очаровательна.

Yourte en construction (Установка юрты). Из фотоальбома П. Лаббе

Посетив правобережье Урала, я совершил несколько поездок по киргизскому берегу. Там на шестьсот километров нет ни одного притока. Стоячие ручьи теряются в песках или в наполовину высохших соленых озерах. Это огромная степь, покрытая везде одними и теми же травами и мхами, занимает 1 850 000 кв. км от реки Урал до Иртыша и Небесных гор [12]. Только на границе степь орошается большими реками, возле которых имеются небольшие леса. В целом же флора этого региона не отличается большим разнообразием по причине крайне сурового климата: летом здесь стоит ужасная жара, зимой – страшные морозы, и круглый год влажность минимальная. Границами киргизской степи почти везде являются казачьи земли.

Киргизцы – это тюрко-татарский народ мусульманской веры, они кочуют исключительно по своей территории, зиму проводят в полуземлянках и сделанных из смеси глины, травы и высушенного помета верблюдов хижинах. Обычно их зимовки находятся в низинах, где скот может найти под снегом чахлую, но вполне съедобную траву, которая, во всяком случае, не даст ему умереть от голода. После схода снега каждое селение начинает кочевать вслед за своим стадом, идя по кругу от одного колодца к другому, от равнины к равнине и от зимнего жилища

к зимнему. Киргизские семьи из поколения в поколение пользуются одними и теми же местами зимовки, пастбищами, колодцами и ставят там свою юрту, почти неосознанно повторяя ежегодно один и тот же путь. Скотоводы и пастухи, они всецело поглощены заботой о своих животных, составляющих весь смысл их существования. Обладая всеми недостатками примитивных и мусульманских народов, они, однако, отличаются доброжелательностью и гостеприимством: путник, вошедший в их жилище, становится для них как бы посланником бога. Мне приходилось долго жить среди киргизцев, и они нередко воспринимали меня в качестве пророка, хотя на самом деле я был всего лишь посланником Министерства народного просвещения Франции.

В степи, окаймляющей реку Урал, можно долго не встретить ни одной живой души. Пейзаж вокруг остается неизменным, и уже начинает казаться, что тарантас никуда не двигается, как вдруг неожиданно появляется одинокая киргизская школа, подобная той, что я уже описал. Иногда в степи можно повстречать всадников или временную стоянку кочевников, состоящую из юрт.

По левую сторону уральского берега имеются два больших озера: Челкар [13] и Индер [14]. Первое – пресное и расположено в 90 км к югу от Уральска. Когда-то его окружность составляла 50 км, но сейчас оно постепенно высыхает, так как перестало подпитываться водами реки Урал, ограничившись двумя источниками типа колодцев, всегда кипящих и очень глубоких. Озеро это богато рыбой, и казаки ежегодно приезжают сюда с огромными сетями порыбачить. Расходы на рыбную ловлю берут на себя казачьи общины, участвующие в ловле. Одна команда рыболовов состоит из 10–14 человек, каждый из них вооружен стометровой сетью. Рыбу ловят по весне, что, впрочем, наносит озеру большой ущерб, и в декабре. Целые караваны казаков приезжают сюда со всем снаряжением, запасами провизии и фуража, остальное докупая у киргизцев. Последних используют в качестве рабочей силы для прорубания во льду полыньи и оттеснения крупных льдин. В последние годы улов рыбы, в первую очередь карпа, судака, щуки, окуня и карася, постоянно снижается. Сами киргизцы могут бесплатно рыбачить с сетью на берегах озера и в устьях мелких рек, впадающих в него.

Озеро Индер расположено намного южнее Челкара, оно соленое, и там можно только добывать соль. Я посетил соленый и горячий ручей, выходящий из глин и далеко распространявший запах серы. Не из-за нее ли дно ручья ржавого цвета? Кромка озера покрыта жидкой и соленой грязью, которая сильно пачкает обувь, а его берега – мелким, напоминающим крупинки хрусталя песком. Вдалеке внезапно поднялись в воздух крупные дикие лебеди. При каждом моем шаге из-под ног взлетали утки и бекасы, везде было множество мелкой дичи, на которую охотились парившие в небе большие орлы.

Недалеко я заметил густой дым и уже вскоре был рядом с обедающими киргизцами.

Нас встретили несколько удивленные нашему (со мной были казак и кучер) появлению молодой, опрятно одетый человек в пестром шелковом бухарском халате, его сын и несколько слуг. Хозяин пожал руку кучеру и объяснил, что везет сына в киргизскую школу и хочет оставить его там на время учебы. Стоявший рядом мальчишка лет четырнадцати безучастно слушал рассказ отца.

Кочевники сделали из войлочного ковра и палок небольшой навес от солнца. На земле лежало ружье, рядом с ним – поджаренная тушка дикого гуся, которую

они уже начали есть. Казак, знавший киргизский язык, объяснил киргизцу, кто я такой, и тогда кочевник молча отрезал кусок гуся, съел половину, а мне протянул остаток.

– Ты живешь в стране, где садится солнце? – спросил он, показывая на запад.

Я ответил утвердительно и несколькими киргизскими словами выразил благодарность своему новому другу за гостеприимство. Мы уселись рядом с ним и продолжили обед. Закончив есть, мои спутники попросили у киргизца ружье, чтобы пострелять озерных уток. Когда они ушли, кочевник спросил у меня по-русски:

– Что ты думаешь о киргизской школе?

– Думаю, что твой сын сможет узнать там много полезного для жизни, – ответил я.

– Конечно, – согласился киргизец, – но это не главное. Выучившись, он сможет получить место в русской администрации, будет брать взятки и быстро разбогатеет! А в твоей стране русские тоже вымогают деньги?

Оказывается, этот кочевник полагал, что во всех странах у власти находятся русские!

Перевод с французского Алсу Губайдуллиной.

Примечания – кандидата исторических наук Игоря Кучумова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ныне с. Илек Илекского р-на Оренбургской обл. На самом деле Илек не был уездным центром.
2. Одна владельческая (хозяйственная) десятина = 3 200 кв. сажень (1,45 га).
3. Ныне город Темир Актюбинской обл. Республики Казахстан.
4. Ныне город Атырау, административный центр Атырауской обл. Республики Казахстан.
5. Ныне с. Тайпак Аюжаикского р-на Западно-Казахстанской обл. Республики Казахстан.
6. Шаган (устар. Чаган) – река ныне в Оренбургской обл. России и Западно-Казахстанской обл. Республики Казахстан, правый приток Урала, впадающая в него в черте города Уральск.
7. Это был коллежский советник Михаил Иванович Дубровин (см.: Памятная книжка и Адрес-календарь Уральской области на 1899 год. Саратов, 1899. С. 255, 256, 276).
8. Ныне с. Есбол Индерского р-на Атырауской обл. Республики Казахстан.
9. Гелугпа (гелуг) – традиция буддийского монастырского образования и ритуальной практики, основанная в Тибете ламой Чже Цонкапой (1357–1419).
10. Ковурдак (куырдак, куурдак) — традиционное жаркое у народов Средней Азии из мяса или субпродуктов и лука.
11. Иван Луппович Марков (1845–?) – полковник (Памятная книжка и Адрес-календарь Уральской области на 1898 год. С. 152), впоследствии генерал-лейтенант.
12. Небесные горы – Тянь-Шань.
13. Имеется в виду озеро Шалкар (ранее использовалась транскрипция Челкар), солоноватое, ныне расположено на территории Теректинского р-на Западно-Казахстанской обл. Республики Казахстан к югу от города Уральск.
14. Индер (Индерское озеро) – крупное бессточное, соляное озеро в северной части Атырауской обл. Республики Казахстан.

